

Н. ТИХОНОВ

СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В 1944–1945 гг.

НАЧАЛО ДОКЛАДА СМ. НА 2 СТР.

рое однобразие в наше рифмованное стихосложение».

А с тех пор, как писались эти строки, прошло немало времени. Советская поэзия представила как раз доказательство от противного. Она нашла способы разнообразить рифму, ввела много нового в эту часть поэтического хозяйства. Да один Маяковский может представить целый том смежных, по-народному звучащих рифм, не представляющих только случайную находку.

Я не буду перечислять все книги, написанные за эти полтора года. Я хочу сказать, что ощущение нового периода, радость творчества еще сильнее ощущается в стихах старых и молодых поэтов. Поэзия вообще отыгрывалась на события быстрые прозы. Новое в воздухе, новое особое состояние поэта, когда он вспоминается в мир, собирая весь свой поэтический слух и направляя все поэтическое зреение, на лицо. Мы ждем песен и стихов, наполненных теми чувствами, какими живет сейчас советский человек. И это ощущение, это предчувствие обновления поэзии однаково для поэтов всех возрастов.

Советские поэты у первоисточника всех ощущений, всех новых чувств, питывающих советских людей. Сколько возникает новых Победа нашей страны может быть выражена в том эпосе, который вполне заменяет сейчас, но и малейший оттенок чувства, движимая песня сегодня также законами. Советский человек — гармоничный человек. Он возвращается с войны в семью, он дышит миром и покоям. Он берется за новые дела, обогащенные опытом переживаниями, могучими лет, он любит природу и детей, он любит веселье. Он смеется путь походных дорог. А тот, который остается на страже, там, где пределами родины, он еще живой воспринимает все родное, что он защищал и что в нем, в его сердце, в его душе.

Маяковский! Вот кого нехватают сейчас мы! Мы недавно отмечали его юбилей. Маяковский — это мы всегда будем напоминать для поэтов о настоящем отношении к слову, к содержанию, к тому, что называется поэзией.

Изображая в подземельях Аджа-Мушинской скелеты погибших там наших командинцев, предполагавших смерть от головы постыдному плезу, найдя письма у одного из погибших от его жены и ребенка, он пишет какими-то не теми словами:

«А он лежит среди этих голосов,
Поникнув над финансовой папкой.
Он не отвечает на семейный зов,
Плюхнувшись супруту и нехороний папка.

Это мелочи, но их слишком много стало в последнее время, и мне кажется, что это от той небрежности, которая присуща сегодняшним поэтам.

Серьезные проблемы поэтов, чья литературная традиция восходит к классикам советского Востока. Если Гафур Гулям ломает смело стих, вводя новую образность в новые темы, то это дается ему очень большой работой.

Преодоление традиционных форм труда. И образы, подсказанные древним языком, услужливо являются поэту, когда он думает изобразить современного героя. Так о Герое Советского Союза Курбана Дурды Сентяни пишет:

Джигитом образом могучим все лишился
мои попытки, а золотые
Вписал на книгу слаги о золотые
Конь у него крылат, а сабля в руке
закалена.
И он, как леопард, стремится, сместя
вражки знамена.

Часто в таких стихотворениях описывается битва, никак не распознаваемая сразу, когда она происходит, в наше время или сотни лет назад. Стихи страшно вычлененные, образы сказочные, гиперболические, много пышной риторики. То, что, собственно, для Навои, Низами, Руставели, то не совсем просто ложится в рамки поэтического здания поэта времен Отечественной войны.

Это относится и к грузинским и азербайджанским поэтам. Я не говорю о Тане, Верне, Ильине и Чиковани, или таких, как Самед Бургун, но молодые поэты часто уходят в этот фантастический стиль, когда поэты, с трудом находят языческую строку, наклоняются к письменной блеске и силе.

Важнейший когдато писал: «Бедности наших рифм и говорить нечего». На слово добродетель тяготеет неподвижно смыслимое, глубокому, взвешенному лучшему у классической традиции, определяемое пафосом и верманизмом сюжетов. Изобразительность, верная интонации, большая взаимовыразительность, она идет от видимого и прочувствованного.

Но за всем этим нельзя закрывать глаза на то, что мир современного человека богаче, чем мир образов, представляемый ему поэтами. Язык современного человека ярче, чем язык стиха. Стих не делает всех тех усилий, чтобы добиться действительности грамматики из тонкости поэтической руки. Ее слишком много, и это бросается в глаза. Маяковский боялся, чтобы нечастушка не засластила стиха, но нам грозит другая опасность, что слишком легкая форма стиха приведет к его обнеглению. Стих не будет тогда живопрепечиной, а только бледным передатчиком мысли. А нам нужны поэтические упражнения в лирическом читании. Нам нужна лирика действенная, а не вымыселная. Нам нужно боевое слово, а не тень слова, скользящая, как по стеклу, по желобу строки, наклоняющему к пропасти, вымощенную блеском и силой.

11.

Путь молодого поэта лег сейчас через труднейшие в жизни, черезсложнейшие, оно что может быть выше молодости, устремленной на защиту ее священных прав и на выражение своих чувств, проникнутых непосредственным жаром восприятия. Но

годом поэт есть о чем рассказать. Они много видели, много испытывали, прошли долгой войны, знают горечь отступлений и радость победы.

Харacterными для них являются строфы Грибоедова, их старшего собрата: Мне ни бронзы, ни звона оркестров не надо, И того, что имею, достанет вполне, И солдат, тот солдат, что малою града Замыкал по колени в пурпур и в огне.

Солдат, что над Доном держался полгода, Мок, тонул, вспыхивал и сходил в пыль, Ни пылью привнес, ни в какую погоду Ни поблажки, ни склады, ни егерь, чем не просил.

Ждет мороз и ремямы, настужены плечи, Дел на брови, настужены нитки, пар, как дым, подымает трубкой. Погибли они на Стокхольм — рассет несладче. А рассет — штурм, а рассет — это бой.

Но пыль не успевшая ни жалоб, ни стоны, не успевшая ни погибнуть, ни погибнуть, Это дышит в лицо гвардии Дона. Это вчера шумят сталинградский поток.

Эти переклички, по-разному отраженные в стихах, вы найдете и у Гудзенко, и у Дудина, и у Ливана, и у Межирова, Урана, Салжакова, Народчакова, Хелемского, Недогонова. Это растущая смена. Это голоса поколений, которому принадлежит будущее. Из женщин, несомненно, очень талантливые Галина Николаева, Стихи Татьяничевой, Тушиной, Морозовой, Леонтьевой, Грибачевой, Горловского, Осокина, Скрипникова, Рыжкова, стихи неровные, нестырьные, но в них есть искренность, есть свой подхолмок к теме, свою лирическую взводненность. Мы можем ждать от молодых поэтов много хорошего.

К недостаткам их я бы отнес лишний пафос. Часто попадаются попытки особо изощрить в стихах, наделить его словесной мишурой, металлическими побряушкиами в учреде смущения.

Наблюдается также странная линия групписты. Ее лежит настороженный взгляд на стихах фронтовиков. Гудзенко не совсем грамотно пишет: «У каждого солдата есть покойник». Это надо понимать так: у каждого есть друг, погибший в бою, и даже не один.

Я не призываю к лхой развязи над мигами друзей, но я против облака нечестивых, закрывающего нам путь.

Мне хочется сказать о переводах. В этот период времени Михаил Лозинский закончил перевод всей «Божественной Комедии». Тогда лежал перед нами, как огромное достижение советской переводной литературы. Русский Данте подарен мильонному читателю.

Маршак перевел сонеты Шекспира. Эта труднейшая работа выполнена образцово. Много других хороших переводов с языка наших братских народов сделали наши переводчики-поэты. Из них особо выделяется перевод песни Гурамини и Чиковани, сделанный Державиным, и стихов Стельмаха, сделанный Натаном Кончаловским.

Культурное общение между народами неизменно вырастает сравнительно с дооценным временем. Частые личные встречи между поэтами и их переводчиками помогут работе.

Но вот что бы ни стало надо усилить внимание к переводу, нельзя плохо переводить.

12.

Было бы неправильно думать, что нас пишется мало драматургических произведений. Тут же оживление в наше время.

Задача нашего театра — помочь народу разобраться со всей серьезностью, процессом роста нашей литературы требует быть во всеморужии драматического искусства. Характеры, языки, идеи, способ — все это разделим. А между тем при хорошей идее, при добром замысле, где действия сколько хочешь, язык такой, что актеру просто противно произносить слова, точно какую-то резинку тянуть изо рта.

13.

В детской литературе у нас большое оживление, и это очень отрадно. Все больше выходят новых книг для всех возрастов. Все больше появляются новых произведений. Тут и большие романы, такие, как «Два капитана» Каверина, «Дорогие мои мальчишки» Кассиля, «Адмирал Сенявин» Рубинштейна и другие. Тут и книги бывальных людей, как книги Героя Социалистического Труда А. Яковлева, Волкова о самолетах на войне, Немцова — «Незримые пугни» (записки конструктора военной радиостанции), книги о Конике, о братьях Игнатовых, книги научные, такие, как «Кристаллы» Шасколовой или рассказы Юрия Тимофеева и других.

Хорошо, что в украинской литературе критике лежит дуновение. Следует отметить статью Нойзинко. Критики оживились в Грузии и в Армении.

Никогда, может быть, так не нуждались мы в настоящей и большой критике, как сейчас. Написано много книг, в которых надо разобраться со всей серьезностью.

Процесс роста нашей литературы требует от себя внимания творческого труда. К себе внимания творческих дискуссий видно, как многое именено критической работы требуется при анализе сложных отношений между формами старой и новой литературы, в вопросе освоения наследия, в вопросе переводов.

Социалистический реализм — наша сила. Есть люди, которым это не совсем ясно.

Писатель — голос своего времени. И критик должен следовать за писателем с таким же вниманием и готовностью обесценить его достижения и ошибки, с какими следил, скажем, за ростом Лермонтова Белинского.

Об особенностях сейчас, когда голос критика может бытъ так не совсем ясен.

Это, что Илья Сельвинский вдруг выступил с «теорией социалистического символизма» в виде оживления героя нашего времени с особой силой очищающим в драматургии. Помимо насыщенности действием пьесы на сцене должна жить во всеморужии драматического искусства. Характеры, языки, идеи, способ — все это разделим. А между тем при хорошей идее, при добром замысле, где действия сколько хочешь, язык такой, что актеру просто противно произносить слова, точно какую-то резинку тянуть изо рта.

14.

Критика у нас еще не так активна, как этого бы хотелось. Но все же надо отмечать заметное оживление в стихиях и рецензиях в журналах и в «Литературной газете». Подложительный и замечательный факт, что писатели — Гоголин, Павловин, Кожевников, Маршак, Эренбург, Бородин и другие все чаще выступают с критическими статьями и рецензиями.

Появляются большие критические статьи Заславского, Кинчеви, Смирновой, Перцовы, Тимофеева и других.

Хорошо, что в украинской литературе критике лежит дуновение. Следует отметить статью Нойзинко. Критики оживились в Грузии и в Армении.

Никогда, может быть, так не нуждались мы в настоящей и большой критике, как сейчас.

Написано много книг, в которых надо разобраться со всей серьезностью.

Процесс роста нашей литературы требует от себя внимания творческого труда. Критик должен следовать за писателем с таким же вниманием и готовностью обесценить его достижения и ошибки, с какими следил, скажем, за ростом Лермонтова Белинского.

Перед нами грандиозные перспективы развития, огромные горизонты возможностей. Советская литература, передовая в мире, должна явиться достойной достоинством великих событий, которые так высоки подняли часть и славу нашей родины.

Литераторы — это очень почтенный круг, но и они должны быть настроены на подъем народу, на охвату своей работы, так и количеству.

Действительно, надо отдать им должное. С огромной щедростью и готовностью обесценить его достижения и ошибки, с какими следил, скажем, за ростом Лермонтова Белинского.

Литераторы — это очень почтенный круг, но и они должны быть настроены на подъем народу, на охвату своей работы, так и количеству.

Однако надо отметить, что вместе с обобщающими задатками стихи многих молодых поэтов, работающих на военной теме, несут в себе и кое-что такое, от чего следует предостеречь в самом начале.

Вот стихотворение начинающего поэта Прибылова «Передний край»:

Мы здесь не можем долго жить:
Не жечь kostры, ходить с опаской...

Здесь мы должны жить и любить,
Чтобы что-то оправдать каким-то...

Не видеть, что цветы растут, Когдa в бою проходит лето...

И можно позабыть листву: Деревья голы, как скелеты.

Здесь, от бомбёжек опавшей...

Трескущаяся истина в дрожке...

Но мы не можем жить в земле...

Отрезьши ветви, умрёшь, Чем легче жить, не видя света.

И успеешь постареть, Пока, пшишь, летят ракеты.

Пока, пшишь, летят ракеты.

В этом стихотворении верно, точно и сильно передана проза солдатского окопного существования. Стихи звучат, как вопль, как крик, как истерзанные неуютом окопного существования. В этих стихах есть все, кроме такого ложного на войне качества человеческой личности, — его воли, определенной высокой идеей. А ведь именно воля к действию, воля к победе привела нашего солдата сквозь тысячи смертей, сквозь тысячи кошмаров четырехлетнего фронтового скитальства к Берлину, к победе. Когда мы вспомним об этом, то станет очевидно, что при всей точности в стихах Прибылова присутствует полуправда солдатской жизни. А каждая полуправда в искусстве уже есть неправда.

То, что отразилось в цитированных стихах Прибылова, очень сильно дает себя чувствовать и в стихах Урана, и в стихах Межирова, и в стихах некоторых других поэтов.

Отмеченные мной недостатки с особой настойчивостью заставляют залуматься о дальнейшей судьбе хороших и талантливых молодежи, стучащей в двери нашей поэзии. Сейчас их таскают с вечера на вечер, с обсуждением на обсуждении, полупьивают по плечу, хвалят за «сильные» строчки, за «солдатскую смелость», а давно уже пора сказать, что однажды смелости мало. Что им, этим молодым и способным, нехватает широты жизненного и исторического кругозора, нехватает ясности поэтического зрения, способности сквозь полуправду солдатской жизни, драматическую поступку солдата идею.

Из большого круга вопросов, которые встают перед нами, я считаю необходимым выделить два, кажущихся мне особенно существенными.

Мы много написали стихов о войне и о воющем человеке. В лучших произведениях есть все опознавательные знаки вы-

В ПРЕЗИДИУМЕ. На снимке (слева направо): Д. Поликарпов, А. Фадеев, Вс. Вишневский, А. Комолов, В. Герасимова

Фото Л. СЫРКИНА.

Но хотелось бы, чтобы в области теории современной литературы в учё

Поэзия народа-победителя

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО С. НА З СТР.

Второй вопрос, на котором бы мы хотели остановить внимание участников плenuma, это способы трактовки темы ро-дина в стихах наших поэтов.

Страна наша победила в силу того, что благодаря победе в Октябре 1917 года она превратилась из Российской империи в Союз Советских Социалистических Республик, в государство, которое создало свое могущество и монолитность на основе не-рушимых дружбы народов, им обединенных. За годы войны дружба народов не только не расшаталась, но как никогда окрепла и скрепилась общей кровью, про-литой на полях боя.

А вот, когда вчитываясь в стихи поэтов, пишущих на разных языках народов Союза, то тогда очень остро чувствуешь элемент национальной замкнутости и тематики, и проблематики, и персонажей, на-селяющих произведения некоторых поэтов.

Причины этого, мне кажется, кроются в некритическом перенесении в новую действительность старых традиционных способов трактовки темы.

Нет иного в наших произведениях, по-священных Родине, того, что уже давно оформилось во всем строе народной жизни.

Ведь новая, родившаяся в огне Октябрьской революции советская семья народов внесла существование всех народов, ею обединенных, новые, общие для всех и бытовые и психологические черты, обединяющие народы не только общностью политического и экономического организма, но и общностью новых черт, выходящих за национальные рамки союзной социалистической культуры, общностью героев, выявленных народами в борьбе за победу социализма. Ленин, Сталин, Дзержинский, Орджоникидзе, Киров, Фрунзе, Пархоменко, Чапаев, Шорс, Лазо, прославленные герои нынешней великой войны, прославленные государственные деятели, учеными, героями труда, являются гордостью всего советского народа, ибо их благородная деятельность во славу и во утверждение нового общества равно достойна и тем народов, из рядов которых они вышли, и тем народам, с чьими судьбами их неразрывно связана революционно со-зидательная деятельность.

Только непониманием этого можно объяснять то, как какой легкостью некоторые наши поэты, законно перекидывая мостиками родства с самыми отдаленными эпохами в истории своих народов, не замечают (как показывают их произведения) революционного первоисточника героязма, явленного на-шим народом в нынешней великой войне.

Оттого некоторые с такой легкостью осеняют себя крестным знамением. Оттого драмы стараются вытаскивать в качестве воплощенной исторической совести народа бравых поручиков с лиху закрученными усами.

В поэме «Пропавший без вести» Евгений Долматовский, ощущая «тяжелую» нагрузку стиха, трагической прозой войны, пишет:

Любите поэзии! Песен красивых
Но жи на меня! Я их петь не могу.
Я поза, окровавленный, винный в нарядах,
Как хлебом, пытаюсь лить алой к врагу.

Эти строки — не самооправдание, не бравирование обилием отталкивающих подростков человеческого страдания, а утверждение неизбежности тяжелой, трудной поступки стиха, призванного вместить в себя жестокий жесткий материал фронто-вой жизни воюющего человека.

Этим обращением к читателю Долматовский передал одну из существенных особенностей той струи нашей военной поэзии, которая протекала по руслу реалистичного изображения войны.

Суровая правда воинского подвига народа — не материал для поэтического «объ-рываивания», манерничания, игры в слова. Когда нам в строках стихах о войне по-падаются строчки:

А. ТВАРДОВСКИЙ

СМЕРТЬ И ВОИН

За далекие пригорки
Уходил сраженья жар.
На снегу Василий Теркин
Неподвижный лежал.

Снег под ним, набрыки кровью,
Взялся грудой ледяной.
Смерть склонилась к изголовью:
— Ну, солдат, пойдем со мной.

Я теперь твою подругу,
Недалеко провожу,
Белой выног, белой выног,
Выног след запороши.

Другу Теркин, замерзая
На постели снеговой.
— Я не знал тебя, Косая,
Я создал еще живой.

Смерть, смеясь, нагнулась ниже:
— Поля, поля, молодец,
Я знаю, я то вижу:
Ты живой, да не живел.

Мимоходом тень смертной
Я твою коснулась щек,
А тебе и не заметно,
Что на них сухой сножок.
Моего же бойца мрака,
Ночь, повер, не хуже дни...

— А чего тебе, однако,
Нужно лично от меня?

Смерть как будто бы замялась,
Отклонилась от него.
— Ну почему ты ничего.
Нужен знак один согласия,
Что устал беречь ты жизнь,
Что о смертном молишь час...

— Сам, выходит, подпишись?
Смерть подумала:

— Ну, что же,
Подпишись на покой.
— Нет, уволь. Себе дороже.

— Не торгуся, дорогой.
Все равно идешь на убыль,
Смерть подвинулась к плечу,
— Все равно ступни губы.
Смыты звуки...

— Не хочу.

— А смотря-ка, дело к почве,
На мороз горят заря.
Я к тому, что мне короче,
Ибо не мерзнуть зря...

— Потерплю.
— Ну, что ты, глупый,
Весь лежишь, всего свело.
Я б тебе, тотчас тулупом,
Чтоб уже извек тепло.

Адрес редакции и издательства: Москва, ул. Станиславского, 24. (Для телеграмм — Москва, Литтегазета). Телефоны: секретариат — К 4-60-02, отделы критики, литературы братских республик, искусств, информации — К 4-26-04.

Б11525.

Народный поэт Литвы

Людас ГИРА

Указом Президиума Верховного Совета Литовской ССР писателю Людасу Гира присвоено звание народного поэта Литвы. Это почетное звание Л. Гира заслужило своей долгой и плодотворной литературной деятельности.

Еще перед первой мировой войной имя Л. Гира пользовалось широкой известностью в Литве, а многие его стихи, опубликованные на музыку, уже тогда стали любимыми песнями литовского народа.

Автор целого ряда сборников стихов и поэм, драматург и видный литературный критик, редактор первого литовского литературного журнала «Вайбориште» и многих антологий и альманахов.

Бойцом закрипал:

В наступление, за мир!

И прогнулся вражья колонна.

Здесь что ни строчка, то безвкусна, неумелость, вопиющая авторская безответственность. А писал эти «стихи» и печатал их на странице армейской газеты литератор, с первых месяцев войны находящийся в Действующей армии.

Борис Бессельчаков, автор вышедшей недавно в издательстве «Молодая гвардия» книжки «В блиндаже», тоже был на фронте, много видел своим глазами. Это не помешало ему написать на-редкость слабую книжку, пестрящую стихами вроде:

Снаряд разорвался, удачка в плече,
Руки команда не стало.
И кровь обожгла до того горячо,
Что сердце в груди застонало.

При этом в руках упали пульевые руко-

вей. Командир, герой Соломонов
Бойцом закрипал:

В наступление, за мир!

И прогнулся вражья колонна.

Здесь что ни строчка, то безвкусна, неумелость, вопиющая авторская безответственность. А писал эти «стихи» и печатал их на странице армейской газеты литератор, с первых месяцев войны находящийся в Действующей армии.

Борис Бессельчаков, автор вышедшей недавно в издательстве «Молодая гвардия» книжки «В блиндаже», тоже был на фронте, много видел своим глазами. Это не помешало ему написать на-редкость слабую книжку, пестрящую стихами вроде:

Снаряд разорвался, удачка в плече,
Руки команда не стало.
И кровь обожгла до того горячо,
Что сердце в груди застонало.

При этом в руках упали пульевые руко-

вей. Командир, герой Соломонов
Бойцом закрипал:

В наступление, за мир!

И прогнулся вражья колонна.

Здесь что ни строчка, то безвкусна, неумелость, вопиющая авторская безответственность. А писал эти «стихи» и печатал их на странице армейской газеты литератор, с первых месяцев войны находящийся в Действующей армии.

Борис Бессельчаков, автор вышедшей недавно в издательстве «Молодая гвардия» книжки «В блиндаже», тоже был на фронте, много видел своим глазами. Это не помешало ему написать на-редкость слабую книжку, пестрящую стихами вроде:

Снаряд разорвался, удачка в плече,
Руки команда не стало.
И кровь обожгла до того горячо,
Что сердце в груди застонало.

При этом в руках упали пульевые руко-

вей. Командир, герой Соломонов
Бойцом закрипал:

В наступление, за мир!

И прогнулся вражья колонна.

Здесь что ни строчка, то безвкусна, неумелость, вопиющая авторская безответственность. А писал эти «стихи» и печатал их на странице армейской газеты литератор, с первых месяцев войны находящийся в Действующей армии.

Борис Бессельчаков, автор вышедшей недавно в издательстве «Молодая гвардия» книжки «В блиндаже», тоже был на фронте, много видел своим глазами. Это не помешало ему написать на-редкость слабую книжку, пестрящую стихами вроде:

Снаряд разорвался, удачка в плече,
Руки команда не стало.
И кровь обожгла до того горячо,
Что сердце в груди застонало.

При этом в руках упали пульевые руко-

вей. Командир, герой Соломонов
Бойцом закрипал:

В наступление, за мир!

И прогнулся вражья колонна.

Здесь что ни строчка, то безвкусна, неумелость, вопиющая авторская безответственность. А писал эти «стихи» и печатал их на странице армейской газеты литератор, с первых месяцев войны находящийся в Действующей армии.

Борис Бессельчаков, автор вышедшей недавно в издательстве «Молодая гвардия» книжки «В блиндаже», тоже был на фронте, много видел своим глазами. Это не помешало ему написать на-редкость слабую книжку, пестрящую стихами вроде:

Снаряд разорвался, удачка в плече,
Руки команда не стало.
И кровь обожгла до того горячо,
Что сердце в груди застонало.

При этом в руках упали пульевые руко-

вей. Командир, герой Соломонов
Бойцом закрипал:

В наступление, за мир!

И прогнулся вражья колонна.

Здесь что ни строчка, то безвкусна, неумелость, вопиющая авторская безответственность. А писал эти «стихи» и печатал их на странице армейской газеты литератор, с первых месяцев войны находящийся в Действующей армии.

Борис Бессельчаков, автор вышедшей недавно в издательстве «Молодая гвардия» книжки «В блиндаже», тоже был на фронте, много видел своим глазами. Это не помешало ему написать на-редкость слабую книжку, пестрящую стихами вроде:

Снаряд разорвался, удачка в плече,
Руки команда не стало.
И кровь обожгла до того горячо,
Что сердце в груди застонало.

При этом в руках упали пульевые руко-

вей. Командир, герой Соломонов
Бойцом закрипал:

В наступление, за мир!

И прогнулся вражья колонна.

Здесь что ни строчка, то безвкусна, неумелость, вопиющая авторская безответственность. А писал эти «стихи» и печатал их на странице армейской газеты литератор, с первых месяцев войны находящийся в Действующей армии.

Борис Бессельчаков, автор вышедшей недавно в издательстве «Молодая гвардия» книжки «В блиндаже», тоже был на фронте, много видел своим глазами. Это не помешало ему написать на-редкость слабую книжку, пестрящую стихами вроде:

Снаряд разорвался, удачка в плече,
Руки команда не стало.
И кровь обожгла до того горячо,
Что сердце в груди застонало.

При этом в руках упали пульевые руко-

вей. Командир, герой Соломонов
Бойцом закрипал:

В наступление, за мир!

И прогнулся вражья колонна.

Здесь что ни строчка, то безвкусна, неумелость, вопиющая авторская безответственность. А писал эти «стихи» и печатал их на странице армейской газеты литератор, с первых месяцев войны находящийся в Действующей армии.

Борис Бессельчаков, автор вышедшей недавно в издательстве «Молодая гвардия» книжки «В блиндаже», тоже был на фронте, много видел своим глазами. Это не помешало ему написать на-редкость слабую книжку, пестрящую стихами вроде:

Снаряд разорвался, удачка в плече,
Руки команда не стало.
И кровь обожгла до того горячо,
Что сердце в груди застонало.

При этом в руках упали пульевые руко-

вей. Командир, герой Соломонов
Бойцом закрипал:

В наступление, за мир!

И прогнулся вражья колонна.

Здесь что ни строчка, то безвкусна, неумелость, вопиющая авторская безответственность. А писал эти «стихи» и печатал их на странице армейской газеты литератор, с первых месяцев войны находящийся в Действующей армии.

Борис Бессельчаков, автор вышедшей недавно в издательстве «Молодая гвардия» книжки «В блиндаже», тоже был на фронте, много видел своим глазами. Это не помешало ему написать на-редкость слабую книжку, пестрящую стихами в